Добрый день!
Да ладно
Ваше высокоблагородие!
Всего самого доброго!
Выздоравливайте, Николашу на уши не вешай!
уважаемые
я поднимаю этот
к светлому будущему!
скажите, пожалуйста
сижу, б
как пройти в би
Будьте
Добрый вечер!
Дорогие радиослушатели!
до
Добрый вечер!
вот рассказ, анекдот...
До скорых встреч!
ну

Жанры речи

5

Институт русского языка, литературы и журналистики
при факультете филологии и журналистики
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

ЖАНРЫ РЕЧИ

Выпуск 5

ЖАНР И КУЛЬТУРА

Саратов
Издательский центр «Наука»
2007

УДК 808.2-085(082)
ББК 88.5
Ж31

Жанры речи : Сборник научных статей. Саратов : Издательский
Ж31 центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. 440 с.
ISBN 978-5-91272-228-8

В пятом выпуске сборника «Жанры речи» – «Жанр и культура» – решаются актуальные проблемы культурологического жанроведения: культурная обусловленность речевых жанров, речежанровая типология культур, жанровая картина мира, жанры в межкультурной коммуникации. Рассматривается ряд речевых жанров в лингвокультурологической парадигме. Много внимания уделяется жанрам новых культурных сфер (Интернет-общение, объявления о знакомстве, шутливые объявления в маршрутных такси).

Впервые на русском языке публикуются новые статьи А. Вежбицкой, К. Годдарда, Р. Лакофф, В.Ф. Хэнкса.

Редколлегия: В.В. Дементьев (отв. ред.), Л.В. Балашова, В.Е. Гольдин, В.И. Карасик, Н.Б. Рогачёва (отв. секретарь), О.Б. Сиротинина, Е.И. Шейгал

Рецензенты:

доктор филологических наук *М.Б. Борисова*,
доктор филологических наук *И.И. Прибыток*

ISBN 978-5-91272-228-8

УДК 808.2-085(082)
ББК 88.5

© Авторы статей, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы

В.В. Дементьев (Саратов). Аспекты проблемы «жанр и культура» 5
Л.В. Балашова (Саратов). Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры 21
Н.Ф. Алефиренко (Белгород). Речевой жанр, дискурс и культура 44
И.В. Привалова (Саратов). Речевые жанры сквозь призму культурных измерений 55
Е.И. Шейгал, И.С. Черватюк (Волгоград). Типы жанров и градация коммуникативной власти 63
В.И. Карасик (Волгоград). Коммуникативная тональность 81
Н.К. Рябцева (Москва). Металингвистика межкультурного делового общения: от стиля к жанру 94
Т.Е. Водоватова (Самара). Тавтологические высказывания: к проблеме смысла 117
А.Г. Баранов, Л.Н. Мирошниченко (Краснодар). «Значимость» и «личностный смысл» в когнитивно-культурологической модели жанра ... 123

Переводы

Анна Вежбицкая (Канберра). Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации (*Перевод В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой*) 131
Клифф Годдард (Канберра). «Играй лучше, Мартина!» (ирония «с каменным лицом» и этнопрагматика австралийского варианта английского языка) (*Перевод В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой*) 159
Робин Лакофф (Беркли). Прагматика публичного извинения (*Перевод В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой*) 183
Вильям Ф. Хэнкс (Беркли). Диалог как средство обращения в Христианство и миссионерский дискурс в колониальном Юкатане (*Перевод В.В. Дементьева и Е.Б. Ковельевой*) 192

Материалы к энциклопедии речевых жанров

Е.Н. Горбачева (Астрахань). Лингвокультурный коммуникативный концепт «спор» 209
Н.Н. Панченко (Волгоград). Сплетни как жанр бытового общения 224
М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова (Москва). К характеристике жанра современной эпитафии в социокультурном аспекте 232
И.В. Шалина (Екатеринбург). Культурный сценарий «Супружеская измена» (по разговорам-воспоминаниям носителей уральского просторечия) 247
Н.В. Орлова (Омск). Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) 262

Е.А. Никишина (Москва). Письмо в газету в эмиграции и в СССР в 20–30-е гг. XX века: письма-благодарности 272
М.А. Кулинич, Н.Ю. Бусоргина (Самара). Типология речевых жанров в англо-американском письмовнике 284
О.А. Леонтович (Волгоград). Сцена объяснения Онегина с Татьяной: интерпретация культурных смыслов с позиций интеракциональности 292
И.А. Тарасова (Саратов). Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации 300
С.Г. Воркачев (Краснодар). Идея патриотизма в жанре русской гражданской лирики 311
Е.Ю. Кочеткова (Саратов). Лингвокультурные доминанты в христианском дискурсе (на материале лексики) 321
И.Н. Борисова, С.С. Корх (Екатеринбург). Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код 332
В.М. Алпатов (Москва). Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке 345
Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич (Волгоград). Речевые жанры англосаксонского властного дискурса 351

Жанры новых культурных сфер

О.Н. Дубровская (Саратов). Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации 360
Е.И. Горошко (Харьков). Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области 370
Н.Б. Рогачёва (Саратов). Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога 389
Н.Г. Шаповалова (Саратов). ОРФО-арт: карнавальное общение в виртуальной реальности 403
Е.Л. Рабинович (Саратов). Выражение интеллектуального превосходства в русской и английской лингвокультурах (на материале Интернет-форумов) 412
Е.В. Акулова (Саратов). Русские и немецкие объявления о знакомстве: трехкомпонентная фреймовая модель 424
Б.Ю. Норман (Минск). Жанр шутливых объявлений в маршрутных такси . 429

В.В. Дементьев

Аспекты проблемы «жанр и культура»

0. Сопоставление культур с речежанровой точки зрения есть, по-видимому, сопоставление типологическое: подобно типологическому сопоставлению систем языков, на первый план выступает некая общая форма организации дискурса, а не совпадение материальных билатеральных (означаемое + означающее), или знаковых, единиц[1].

То же касается семиотического сопоставления культур в целом – типологическим по своей природе является выделение культур «горячих» и «холодных» [Леви-Стросс 1983], «высокодистантных» и «низкодистантных» [Hofstede 1997], «высококонтекстных» и «низкоконтекстных» [Hall 1977; Hall & Hall 1990], «полихронемных» и «монохронемных» [Hall 1990] и т.д. (см. статью И.В. Приваловой в настоящем сборнике).

Показательно общее направление сопоставительного изучения культур «от содержания → к форме», как известно, присущее типологическим исследованиям, в отличие от сравнительно-историчекого и ареального сравнения [Успенский 1965; Кибрик 2003]: ср., например, кросс-культурную прагматику А. Вежбицкой и ее последователей, где культурно обусловленные коммуникативные нормы, все функционирующие в пределах той или иной культуры знаковые системы описываются в терминологии семантических примитивов, а любая единица системы понимается как

[1] Как известно, генетически родственные лингвокультуры (например, русская и польская) необязательно являются близкими с точки зрения существующих в них речевых жанров [Вежбицкая, Годдард 2002; Łaszkiewicz 2003; Дементьев 2004]; ср.: «Если бы процесс коммуникации ограничивался рамками языковых коллективов, то в отношении культур человечество являло бы не менее пеструю и разнообразную картину, чем в языковом отношении. Но дело обстоит иначе. Районы наиболее ярко выраженного языкового разнообразия, такие, как Кавказ, Новая Гвинея, провинция Плато в Нигерии, район Оахака в Мексике и др., вовсе не отличаются соответствующей этнической пестротой. Случаи поразительного единообразия в области культуры в условиях пестрого разнообразия языков служат доказательством того, что общение может преодолевать и действительно преодолевает языковые границы» [Вайнрайх 1972: 25].

Е.А. Никишина

Письмо в газету в эмиграции и в СССР в 20-30-е гг. XX века: письма-благодарности[1]

Введение

В настоящей статье мы рассмотрим особенности жанра письма в газету в эмиграции и в СССР. Эта тема представляется интересной, поскольку она тесно связана с культурными особенностями эмиграции и метрополии. При рассмотрении писем в эмигрантские и в советские газеты мы имеем дело с разными коммуникативными ситуациями, зависящими от разных культурно-политических факторов. Новая культура, возникшая в СССР после революции, очень сильно отличалась от старой, прежде всего потому, что изменился класс людей, участвующих в ее создании. Напротив, культура эмиграции во многом сохранила прежние черты. Мы покажем, что эти различия проявляются и в структуре писем читателей в газеты.

В нашей статье мы попытаемся проверить, в какой мере на реализацию одного и того же иллокутивного намерения и на содержание письма в целом влияет социокультурный контекст, разные уровни владения литературным языком у авторов писем, их разный социальный статус и пр. Поскольку типы писем в газету очень разнообразны, мы выбрали для анализа один тип – письма-благодарности.

В начале работы предлагается схема для описания писем читателей в газеты. Затем, в соответствии с предложенной схемой, приводится анализ писем-благодарностей.

В качестве материала использовались письма, которые были опубликованы в двух эмигрантских газетах, издававшихся в Париже («Последние новости» и «Возрождение»), и в двух советских («Правда» и «Известия»). При таком подходе есть риск, что некоторые письма из собранного нами корпуса прошли редакторскую обработку или были фальсифицированы[2], но у нас не было другого выбора – неопубликованные письма читателей в газеты данного периода вряд ли сохранились до настоящего времени. Поэтому при отборе материала для нас было важно, чтобы письмо выглядело как аутентичное, чтобы в нем не просматривалось явных следов редакторского пера.

Период, к которому относятся исследуемые материалы (20–30-е гг. XX века), выбран нами потому, что в это время хорошо заметно различие между русским языком в эмиграции, сохраняющим старые нормы, но, тем

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07–04–00325а («Речь русского зарубежья: проблемы социокультурного и языкового взаимодействия»).

[2] Л.А. Капанадзе указывает на то, что в СССР «полностью фальсифицированными были такие разделы во всех газетах, как *Письма трудящихся*, *Доверительный разговор*», но это касается более позднего периода (1945–1960) [Капанадзе 1997: 48].

не менее, ориентированным на новую действительность, и русским языком в России, переживающим революционное обновление. Очевидно, что данные тенденции заметнее всего проявлялись в лексике, мы же хотим проверить, нашли ли они отражение в текстовых особенностях писем в газету.

О классификации поджанров

Жанр писем в редакцию сам по себе очень неоднороден, поэтому одним из наиболее адекватных и удобных способов классификации писем представляется разделение их на более мелкие типы – п о д ж а н р ы. Вслед за С.И. Гиндиным [Гиндин 1988] мы объединили два подхода к определению речевого жанра – подход М.М. Бахтина [Бахтин 1986] и подход А. Вежбицкой [Вежбицка 1997]. М.М. Бахтин выделяет три основных параметра для объединения высказываний в жанры: тематическое содержание, стиль (отбор словарных, фразеологических и грамматических средств языка) и композиционное построение. А. Вежбицка предлагает считать главным параметром при выделении жанров индивидуальные и н т е н ц и и и мотивы говорящего, функцию целого класса высказываний. В результате объединения двух подходов мы получили четыре параметра (3 параметра М.М. Бахтина + 1 параметр А. Вежбицкой), на основе которых мы и выделили поджанры писем в газету. Ведущим параметром при классификации писем является типовая интенция, так как она определяет остальные три параметра. Т и п о в о й мы будем называть интенцию, которая является главной общей интенцией для всех текстов, относящихся к данному поджанру. Принятое нами описание типовых интенций базируется на существующем в литературе семантическом описании глаголов, обозначающих речевые акты с соответствующими интенциями, см., например, [Гловинская 1993; НОСС 2004].

Таким образом при работе с корпусом, состоящим примерно из ста писем, нам удалось выделить следующие поджанры: письма-сообщения, заявления, отчеты, сигналы, благодарности, просьбы, призывы, предложения, отклики и др. (полная типология поджанров представлена в [Никишина 2005; 2006]).

Описание каждого поджанра строится следующим образом: сначала описывается типовая интенция, на основе которой выделяется данный поджанр, затем рассматриваются композиция и содержание писем данного поджанра. Комплексное описание языковых особенностей писем в газету нами предпринято не было. В тех случаях, когда это важно, мы, руководствуясь моделью Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997], рассматривали образ автора и адресата в ряду других обозначенных нами выше жанрообразующих признаков.

Под композицией мы понимаем совокупность элементов, которые в определенном порядке должны быть представлены в тексте. По сути, в данной работе к о м п о з и ц и я обозначает то же, что у ван Дейка и В. Кин-

ча [ван Дейк, Кинч 1988] названо суперструктурой текста[1]. Для каждого поджанра удобно описывать прототипическую композицию, которая в полном объеме в конктерных письмах встречается крайне редко. При этом важно указывать, какие элементы прототипической композиции являются обязательными в каждом тексте – представителе данного поджанра, а какие факультативными, поскольку одним из показателей сформированности жанра является устойчивость его композиции.

Прежде чем приступить к анализу писем-благодарностей, следует сказать несколько слов о свойствах, общих для всех писем читателей в редакцию вне зависимости от поджанра, к которому они относятся, и от того, где они опубликованы.

Общие свойства писем в газету

Автор

Чаще всего единственная часть письма, из которой мы можем извлечь какую-либо информацию о его авторе, – это подпись. И в эмигрантских, и в советских газетах нам встретилось два вида подписей, отличающихся друг от друга тем, что в них указано: 1) только имя автора; 2) имя автора и должность, которую он занимает, например:

Эмигрантские газеты (далее ЭГ): *Капитанъ парохода «Тигръ» В. Коперницкій* (Последние новости, 29.12.1920)[2].

Командующій 2-мъ коннымъ генерала Дроздовскаго полкомъ, Полковникъ Силкинъ (Возрождение, 05.09.1936).

Советские газеты (далее СГ): *Завед. центр. административн. отд. Высш. Сов. Нар. Хоз. Саакянц* (Правда, 24.03.1921).

Народный комиссар здравоохранения РСФСР С. ЧЕСНОКОВ (Известия, 22.06.1938).

Информация об авторе может содержаться также и непосредственно в тексте письма, а затем частично повторяться в подписи:

ЭГ: *Въ виду получаемыхъ мною запросовъ, не откажите въ любезности помѣстить въ Вашей уважаемой газетѣ, что я, полковникъ полевой конной артиллеріи, Александръ Никаноровичъ Андреевъ, на собраніяхъ «Свободной Трибуны» не выступалъ и не выступаю. А. Андреевъ* (Возрождение, 25.07.1936).

СГ: *Мы, красноармейцы, находящиеся на излечении Варшавского Уяздовского военного госпиталя ушного хирургического отделения, <...> выражаем ему свою искреннюю и глубокую благодарность <...>. Красноармейцы (19 подписей)* (Правда, 27.01.1921).

[1] Суперструктурой в [ван Дейк, Кинч 1988] называется «традиционная, культурно-обусловленная схематическая структура» текста, которая является «одной из высших форм, организующей макропропозиции (глобальное содержание текста)».

[2] При воспроизведении писем мы сохраняли авторскую орфографию и пунктуацию.

Интересно, что указание должности в письме часто не несет никакой смысловой нагрузки, но авторы писем тем не менее предпочитают обозначить свое социальное положение, потому что воспринимают газету как официальную структуру.

Информация об авторе не является необходимой для многих поджанров, но в письмах-благодарностях, например, позиция автора обязательно должна быть заполнена, поскольку без этого не выполняется главная функция письма.

И в эмиграции, и в СССР авторами писем в редакцию могли быть как отдельные личности, так и группы людей. Причем это никак не связано с принадлежностью письма к тому или иному поджанру. Ср. подписи в письмах разных поджанров:

ЭГ: Письмо-просьба – *Ініціативная группа по организаціи Общественной Дѣтской Библіотеки въ Берлинѣ. Марія Павловна Васильева, Анна Исааковна Гессенъ<...>* (Последние новости, 02.06.1920).

Письмо-отчет – *Ниццкій Дамскій Комитетъ* (Последние новости, 22.12.1920).

СГ: Письмо-благодарность – *Больные красноармейцы 2-й палаты. (Следует 12 подписей)* (Правда, 06.01.1921).

Письмо-сигнал – *Завком и ячейка типографии «Красный Маяк»* (Правда, 06.01.1923).

В советских газетах просматривается связь между социальным статусом автора письма и его содержанием: чем в большей степени содержание письма касается личной сферы автора, тем вероятнее, что автор – известное лицо. Письма простых людей публиковались в том случае, если они касались какого-то общественного вопроса, содержали предложение по улучшению той или иной ситуации и пр. В эмиграции такой тенденции нет.

Адресат

Основным отличием писем читателей в редакцию от остальных разновидностей эпистолярных текстов (частной переписки, деловой корреспонденции и др.) является ориентированность на массового адресата. Даже письма, формально адресованные одному человеку или ограниченному кругу людей, но предназначенные для публикации в газете, все равно обладают свойством массовой адресации, так как их может прочесть любой, кто возьмет в руки эту газету.

Кроме массового адресата, который присутствует во всех письмах читателей в редакцию, можно различать еще два типа адресата – формального и целевого.

Формальным адресатом мы будем считать редактора газеты, в кото-
рую направлено письмо. Как правило, наличие / отсутствие формального
адресата на содержание письма и на успешность осуществления иллоку-
тивного намерения автора не влияет, оно отражает бóльшую / меньшую
вежливость письма. Тем не менее, в письмах из эмигрантских газет фор-
мальный адресат присутствует всегда – к нему обращаются с помощью так
называемых этикетных формул. Есть формулы, предваряющие содержа-
тельную часть письма и завершающие ее. Например:

Предваряющая – *М. Г. Г-нъ Редакторъ* [*Милостивый государь, госпо-
дин редактор*], *прошу Васъ не отказать въ любезности помѣстить въ
Вашей уважаемой газетѣ замѣтку слѣдующаго содержанія*... (Возрожде-
ние, 07.06.1927).

Завершающая – *Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ къ Вамъ
почтеніи* (Последние новости, 28.02.1925).

В советских газетах этикетных формул не встречается, за очень ред-
ким исключением:

Уважаемый товарищ редактор! (Правда, 04.02.1923).

Это связано с тем, что в России прежний этикет ушел из обращения, а
новый еще не укрепился. С. И. Ожегов отмечал, что «… первые годы рево-
люции, годы борьбы со свергнутыми классами и укрепления советского
строя характеризуются массовым устранением, переходом в пассивный за-
пас лексики, связанной со старым государственным строем и буржуазным
бытом», в том числе уходят слова специфически интеллигентского обихо-
да («не откажите», «благоволите сообщить», «милости прошу») [Ожегов
1951: 34].

Под целевым адресатом письма понимается человек или группа лю-
дей, к которым обращено содержание письма и которые упоминаются в
тексте письма:

СГ: *Мы, красноармейцы N стрелкового полка, N-ской дивизии, прино-
сим глубокую благодарность Красному Московскому Союзу Печатников за
присланную нам в полк библиотечку* <…> (Правда, 06.01.1921).

В данном примере целевым адресатом является Красный Московский
Союз Печатников.

Наличие или отсутствие целевого адресата зависит от типа письма и
связано с общей коммуникативной установкой автора. Так, в письмах-
сигналах обращение к целевому адресату важнее, чем в письмах-
сообщениях, а в письмах-благодарностях реализация иллокутивного наме-
рения автора вообще невозможна без указания целевого адресата (об этом
см. ниже).

При этом не следует забывать, что ориентированность на массового
адресата у писем читателей в редакцию присутствует всегда, вне зависи-

мости от типа письма и наличия / отсутствия в нем указания на формаль-
ного или целевого адресата.

Часто целевой адресат совпадает с массовым:

ЭГ: *Русскіе легіонеры французскаго иностран. легіона* <…> *просятъ
дорогихъ соотечественниковъ сгладить и облегчить нашу тоску по ро-
динѣ, присылкой прочитанныхъ газетъ, книгъ и журналовъ на русскомъ и
французскомъ языкахъ* (Возрождение, 19.09.1936).

СГ:

Уважаемые товарищи!

*В № 34 (от 15 февраля) помещена заметка некоего Б. Ф. – и под об-
щим заглавием: «Очерки НЭПа». В этом очерке автор, рассказывая о
темных проделках нэпманов, заключил его следующим выпадом против
«Продасиликата»* <…>.

*Настоящим просим автора не удовлетвориться бросанием мимохо-
дом тяжелого обвинения по адресу госоргана, а привести на страницах
«Правды» хоть бы один малюсенький факт, который доказал бы справед-
ливость приведенного обвинения* <…> (Правда, 17.02.1923).

Дорогими соотечественниками и *товарищами* авторы писем называ-
ют в обоих случаях всех потенциальных читателей данных писем, к кото-
рым они непосредственно обращаются.

Некоторые языковые особенности

Что касается языковых особенностей писем, то здесь наблюдается
примерно та же ситуация, что и с языком прессы как таковым: язык эмиг-
рантской прессы носит более кодифицированный, нормированный харак-
тер, чем «массовый» язык советской прессы.

Авторы писем в советской прессе в это время часто демонстрируют
неспособность к переключению кодов, что свидетельствует о невысокой
степени владения подсистемами языка, а также о невысокой коммуника-
тивной и общей культуре человека. Часто стремление «казаться умнее»,
продемонстрировать владение официально-деловым стилем оборачивается
против автора, и в текст на фоне разговорных и просторечных элементов
вклиниваются образцы так называемого «канцелярита», появляются ошиб-
ки. В этом проявляется недостаточная языковая компетенция автора:

СГ: *Фактически дело обстояло следующим образом: 1 декабря 1920 г.
президиумом союза, совместно с* ***хозяйственным органом****, на фабрику
«Марс» в качестве* ***заведывающего*** *был послан тов. Меланье – рабочий,
старый партийный работник.* ***По вступлении им в исполнение своих
обязанностей и осмотре хозяйственного аппарата*** *фабрики, оказались
неисправными три куба, для ремонта которых потребовалось 5 дней*
(Правда, 03.02.1921).

Уходя с сеанса будешь иметь связную картину событий за неделю (Правда, 11.01.1921).

Письма же в эмигрантской прессе свидетельствуют о том, что их авторы в большинстве своем люди высокообразованные, а следовательно, прекрасно владеют литературным языком, за счет чего речевых ошибок встречается гораздо меньше, чем в письмах в советской прессе.

Письма в большинстве своем стилистически неоднородны. Часто внутри одного письма соединяются элементы разных функциональных типов речи (ср. черты публицистического типа речи в письмах носителей просторечия [Вольская 2002]), поэтому нельзя сказать, что письма в газету как жанр являются реализацией того или иного функционального типа речи. Тем не менее, наиболее значителен удельный вес элементов официально-делового стиля. В эмиграции это проявляется главным образом в начальных и конечных этикетных формулах, а также в выражениях типа:

ЭГ: *Прошу Васъ не отказать помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ Вашей газеты слѣдующую замѣтку* (Последние новости, 15.10.1920).

Позвольте мнѣ при посредствѣ Вашей уважаемой газеты выразить глубокую благодарность <…> (Последние новости, 18.12.1920).

В СССР – это не всегда уместные вставки в содержательной части писем:

СГ: *Я полагаю, что лучше воздержаться от выпуска какой-либо кинодрамы в 5(?) частях и* ***уделить материал*** *для изготовления лент с подробными картами всех частей света* (Правда, 11.01.1921).

Во время ремонта работало исправных три куба, которые не могли в достаточной мере ***удовлетворить кипятком*** *всех рабочих* (Правда, 03.02.1921).

Перейдем к анализу писем-благодарностей.

Письма-благодарности

Типовая интенция

В письмах-благодарностях автор выражает кому-либо благодарность за какой-либо поступок.

В пресуппозиции соответствующего речеактного глагола *благодарить* содержится указание на то, что, выражая благодарность, человек осознает, что, если он не покажет, что ценит услугу, оказанную ему адресатом, адресату это может быть неприятно [Гловинская 1993: 209]. Публикуя письмо-благодарность в газете, автор показывает, насколько он ценит поступок адресата, не только самому адресату, но и всей читательской аудитории, отчего благодарность приобретает более значительный характер. В этом случае благодарность становится своего рода публичным актом.

Таким образом, цель писем-благодарностей – не просто выразить благодарность кому-либо, но и сделать так, чтобы о признательности автора адресату узнали многие люди.

Композиция

Письма-благодарности, как правило, по размеру меньше всех остальных писем читателей, большинство их состоит из одного развернутого предложения. Поэтому в данном случае имеет смысл говорить не столько о композиции, сколько о значимых позициях, которые должны быть заполнены в тексте.

И в эмигрантских, и в советских газетах письма-благодарности имеют сходную тенденцию к закреплению формы. Структура писем-благодарностей приобретает свойства текстов с жесткой структурой: имеются определенные позиции, порядок следования которых закреплен, каждой позиции соответствует некоторый субтекст, обладающий своей функцией. В тексте с жесткой структурой сама схема указывает на то, что в нем может содержаться. Примером такого текста является любой бланк, в котором все позиции заполняются номинативными единицами.

В случае с письмами-благодарностями наблюдается примерно та же ситуация – в них имеется как минимум четыре постоянные позиции: кто (субъект) благодарит кого (адресат), за что (причина) и собственно сама благодарность – позиция, которая всегда заполняется перформативным глаголом *благодарить* или перифразами типа *выражать благодарность*:

СГ: [Благодарность →] *Выражаю самую сердечную благодарность* [Адресат благодарности →] *всем партийным, советским, комсомольским, профсоюзным и общественным организациям, воинским частям, а также всем гражданам от самого старого 114-летнего жителя города Одессы т. Кацапа до 7-летней Зои Колонской,* [Причина благодарности →] *поздравившим меня в связи с 60-летием моей жизни и награждением орденом Ленина.*

[Субъект благодарности →] *Г. ПЕТРОВСКИЙ*
(Известия, 16.02.1938).

Тенденция к закреплению формы приводит к тому, что в эмигрантских газетах в 60-е гг. письма-благодарности за выражение соболезнований публикуются уже не под рубрикой «Письмо в редакцию», а на траурной страничке вместе с некрологами или с прочими объявлениями (ср. с фиксированной формой некрологов). Вот два письма, написанных разными людьми и опубликованных в разных номерах газеты «Последние новости» за 1940 год:

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

Не имѣя возможности сдѣлать это лично, настоящимъ приношу [Благодарность →] *глубокую благодарность · черезъ посредство Вашей*

уважаемой газеты [Адресат благодарности →] *всемъ лицамъ и представителямъ организацій,* [Причина благодарности →] *выразившимъ соболѣзнованіе въ постигшемъ мою семью и меня горѣ.*

[Субъект благодарности →] *Б. Аванъ-Юзбаша Ханъ Сагнакскій*
(Последние новости, 22.01.1940).

[Благодарность →] *Позвольте мнѣ при посредствѣ Вашей уважаемой газеты поблагодарить* [Адресат благодарности →] *всѣхъ лицъ и Союзъ пажей,* [Причина благодарности →] *почтившихъ память мужа моего, полковника Крымскаго коннаго е. в. полка В. А. Тихановскаго и оказавшихъ мнѣ въ эти тяжелые, грустные дни помощь моральную и матеріальную.*

[Субъект благодарности →] *В. И. Тихановская*
(Последние новости, 15.02.1940).

Из этих примеров видно, что в письмах-благодарностях за выраженные соболезнования не только строго определены набор позиций и порядок их следования, но и лексическое наполнение этих позиций предельно унифицировано. Если обратиться к классификации речевых жанров М.М. Бахтина [Бахтин 1986: 252], в которой разграничиваются стандартизированные жанры вроде приветствия и поздравления, где говорящий очень мало может привнести от себя, и более «свободные» жанры, то письма-благодарности, тяготеющие к закреплению формы, можно назвать стандартизованным жанром.

Несмотря на то, что письма-благодарности, как и все остальные разновидности писем читателей в редакцию, обладают свойством массовой адресации, заполнение позиции адресата благодарности в них обязательно. В письмах-благодарностях при незаполненной позиции адресата содержательная сторона не актуализирована, и, следовательно, письмо не может выполнять своей основной функции.

Позиция субъекта благодарности обычно представлена в виде подписи. Но, в отличие от писем других поджанров, письма-благодарности не могут нормально функционировать без подписи, так как в этом случае их содержание не актуализировано.

Иногда письма-благодарности по своему размеру превосходят одно предложение, в таких письмах некоторые позиции могут быть представлены более развернуто, могут появляться дополнительные позиции, например, объяснение того, почему благодарность выражается через газету. Иногда автор может даже возвращаться к одной и той же позиции несколько раз, как в следующем примере:

ЭГ:

М. Г. г. редакторъ,

[Причина благодарности →] *По случаю внезапной кончины моего мужа, ген.-лейт. П.П. Нечволодова, я получила столько сочувственныхъ писемъ и телеграммъ,* [Причина обращения в газету →] *что не имѣю возможности на нихъ откликнуться, тѣмъ болѣе, что* [Адресат благодарности →] *многіе бывшіе сослуживцы и сотрудники Платона Платоновича по артиллерійской академіи и главному управленію,* [Причина обращения в газету →] *не приложили своихъ адресовъ.*

[Благодарность →] *Позвольте поэтому усердно просить Васъ разрѣшить мнѣ, черезъ посредство Вашей уважаемой газеты, выразить всѣмъ имъ мою сердечную благодарность:* [Причина благодарности →] *только горячее сочувствіе друзей и добрыхъ знакомыхъ дало моей семьѣ силы и возможность перенести наше тяжелое горе.*

Примите, г. редакторъ, увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности.

[Субъект благодарности →] *Н.В. Нечволодова*
(Возрождение, 05.12.1936).

В письмах-благодарностях из советских газет часто присутствует еще одна позиция, обусловленная, видимо, общим пафосом советской прессы. Эта позиция представляет собой прославление советской власти или обязательство автора в будущем работать во благо родины, иногда эта позиция выражается в форме лозунга:

СГ: *Мы, красноармейцы N стрелкового полка, N-ской дивизии, приносим глубокую благодарность Красному Московскому Союзу Печатников за присланную нам в полк библиотечку, которая даст нам, красноармейцам, возможность в глухой провинции духовно развиваться и просвещать крестьян.* [Прославление] ***Да здравствует просвещение, залог нашей победы над врагами коммунизма! Да здравствует единение тыла с фронтом!***

Председатель общего собрания красноармейцев N полка Карноев
(Правда, 06.01.1921).

Приношу свою глубокую благодарность партийным, советским, профсоюзным и общественным организациям, а также отдельным лицам, ученикам и студентам, поздравившим меня с получением высокой награды – ордена Трудового Красного Знамени.

Благодарю их также за приветствия, пожелания и за личное присутствие на праздновании моего сорокалетнего юбилея.

Я счастлив тем, что моя скромная деятельность получила столь высокую оценку.

[Обязательство] ***Всю свою дальнейшую жизнь целиком посвящу советской науке, советскому здравоохранению, великому делу Ленина-Сталина.***

Заслуженный деятель науки профессор Филатов
(Известия, 12.05.1938).

Еще несколько примеров заполнения данной позиции:

Обязуюсь *бороться так же непримиримо, как боролся до сих пор, со всеми врагами коммунизма, врагами народа;* ***отдам радостно всю свою жизнь за окончательную победу коммунизма*** (Известия, 28.02.1938).

Возраст не ослабляет моей ***решимости*** *попрежнему отдавать все свои силы, знания и опыт делу здравоохранения и строительству* ***великой нашей родины*** (Известия, 14.05.1938).

Такой горячий отклик народа на проделанную нашей четверкой работу в Арктике побуждает нас ***к еще более активной работе во славу нашей великой социалистической родины*** (Известия, 24.05.1938).

Тематическое содержание

Письма-благодарности различны по своей тематике в эмиграции и в метрополии. В советской прессе встречается два типа благодарностей:

1) группа людей или коллектив выражает благодарность лицу, сделавшему что-то полезное в общественной сфере (например, красноармейцы, находящиеся на лечении в госпитале, благодарят своего лечащего врача):

СГ: *Мы, больные красноармейцы, находящиеся на излечении во 2-ом сводном эвакуационном госпитале, выражаем искреннюю благодарность за лечение, уход и хорошее обращение с больными палатному ординатору, доктору тов. Калюмансону и сестре тов. Васильевой.*

Больные красноармейцы 2-й палаты (Следует 12 подписей)
(Правда, 06.01.1921).

2) лицо, занимающее высокий пост в партийном руководстве, или известное в каких-либо других сферах общественной жизни (член союза советских писателей, заслуженный деятель науки, полярник, кинорежиссер и др.) благодарит всех, кто проявил внимание к его персоне по случаю какого-нибудь события (например, по случаю награждения его орденом):

СГ: *Не имея возможности лично поблагодарить все организации и театры, всех друзей и знакомых, поздравивших меня с получением высшей награды – ордена Ленина, прошу через вашу газету передать им мою горячую благодарность.*

Алексей ТОЛСТОЙ
(Известия, 30.03.1938).

Отсутствие писем-благодарностей от обычных людей и обилие писем второго типа является свидетельством того, насколько было ранжировано советское общество. В эмигрантских же газетах причиной благодарности может быть более широкий круг событий, но чаще всего они касаются сугубо личной сферы автора письма (например, вдова благодарит лиц, выразивших ей свое соболезнование), примеры см. выше. При этом автор вовсе

не обязательно известное лицо – любой человек, вне зависимости от социального статуса, мог выразить свою благодарность через газету. Такое различие статуса авторов в эмиграции и в метрополии объясняется, видимо, тем, что советская пресса отражала идеологию, где «общественное» тяготеет над «частным», в эмигрантской же прессе оба эти аспекта находятся в равновесии.

Итак, в данной работе мы подробно рассмотрели поджанр писем-благодарностей. При всей общности писем этого поджанра в эмигрантской и советской прессе, обнаружились и существенные различия, во многом связанные с особенностями эмигрантского и советского общества. В [Никишина 2005] показано, что подобные различия имеются также в письмах других поджанров.

ИСТОЧНИКИ

Возрождение. Париж (намера за 1927, 1936 гг.).
Известия. Москва (номера за 1938 г.).
Последние новости. Париж (номера за 1920, 1925, 1940 гг.).
Правда. Москва (номера за 1921, 1923 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1.

Вольская Т.В. Письма в газету: лингвистический аспект проблемы «народной публицистики»: Дипломная работа. СПб., 2002.

Гиндин С.И. Речевые жанры и языковое сознание // Тезисы IX всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.

Головинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Капанадзе Л.А. Развитие речевых жанров в русском языке // Русский язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1997.

Никишина Е.А. Текстовые особенности жанра писем читателей в редакцию (на материале эмигрантских и советских газет 20–30-х гг. XX века): Дипломная работа. М., 2005.

Никишина Е.А. Жанровое своеобразие писем читателей в редакцию (на материале эмигрантских и советских газет 20–30-х гг. XX века) // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики. Н. Новгород, 2006.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004.

Ожегов С.И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Известия АН СССР, Отд. лит. и языка, т. X, вып. 1, 1951.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Антипов А.Г. «Естественные» дискурсы: креативность vs. культурогенность // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть II. Теория и практика современной письменной речи. Барнаул, 2003.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Черный юмор. Антология. Изд. 2-е. М., 1996.

Береговская Э.М. Надпись на значке как вид текста // Филологические науки. 2000. № 6.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.

Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Ленинград, 1990.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика–1: проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.

Кузьміч В. Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии. М., 2000.

Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Часть II. Теория и практика современной письменной речи. Материалы конференции. Барнаул, 2003.

Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.

Мокиенко В., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). СПб.; М., 2006.

Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. М., 2004.

Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.

Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996.

http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=26

Научное издание

ЖАНРЫ РЕЧИ

Выпуск 5

ЖАНР И КУЛЬТУРА

Редактор С.Л. Пономаренко
Художник А.В. Муллина

Подписано к печати 13.06.07
Формат 60×84 1/16 Бумага офсетная. Гарнитура *Таймс*
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 18,45 (9,9) Уч.-изд. л. 18,5
Тираж 500 Заказ 223

ООО «Издательский центр "Наука"»
410054, Саратов, ул. Б. Садовая, 127.
Отпечатано на ризографе ООО «Мелон»
410005, Саратов, ул. Пугачевская, 161.